

них есть возможность уехать? Эти люди не обладают материальным избытком, не нуждаются в дешевой рабочей силе, а синее небо и пенистые волны, золотой пляж и пальмовая сень лишь подчеркивают для них тот ужас, который творится в глубине благостного пейзажа. И все же они остаются... «В нашей стране, — говорит Мэтью, — каждый день — либо из-за массового идиотизма, либо в силу намеренной жестокости — уничтожаются любовь, достоинство, порядочность. А коль скоро мы это признаем, то мы признаем и ответственность противостоять подобному разрушению, а это значит встать на сторону жизни... Да, вас преследуют, подавляют, но это само по себе придает вам силы, жизненные силы. И те, кто сумел выжить в этом безобразии и абсурдности здешнего существования, получили в наследство любовь тех, кто пожертвовал собой, кого отправили на виселицу или бросили за решетку... Их живое присутствие ощущается, они оживляют нас, учат нас верить друг другу, относиться с нежностью друг к другу»...

Вот почему так важно остаться. И когда Энн Доусон понимает это, она делает тот выбор, что раз и навсегда определяет судьбу человека. Отныне и до конца она с теми, кто «научился жить с правдой», и не отступит от этой суровой науки, за которую не страшно заплатить любую цену.

Новизна романа Мэри Бенсон для советских читателей прежде всего в том, что даже известные нам обстоятельства жизни сегодняшней ЮАР даются в необычном ракурсе, с непривычной точки зрения белых жителей страны, мы же приучены к тому, что рассказ ведется от лица аборигенов. Наше представление об этой, как рана кровотока, точке земного шара становится полнее, сложнее, многообразней. И мы должны быть благодарны видной политической писательнице, проявившей в своем романе — при всех издержках — талант и творческую энергию настоящего художника.

ЮРИЙ НАГИБИН

ПРОСТОР И ТЕСНОТА ЖАНРА

Восемнадцать дней. Рассказы. Перевод с румынского и венгерского. Предисловие Ю. Кожевникова. Москва, «Художественная литература», 1974.

Среди участников этой книги — известные румынские писатели: Эуджен Барбу, Лучия Деметриус, Фэнзун Нягу, Александру Симион, Аурел Михале... И вот что любопытно: все они приобрели известность благодаря романам, повестям, а не рассказам.

Случайно ли это?

О современной судьбе рассказа уже не один год спорят критики и литературоведы. Множество суждений, интересных наблюдений и прогнозов накопилось за это время; рассказчики, конечно, слушают всевоз-

можные мнения о своем жанре, иногда и прислушиваются к ним, но в конечном счете создание очередной новеллы диктуется жизнью, желанием высказать нечто существенное для современников, и высказать сегодня, а не через год, то есть с оперативностью, напоминающей требования журналистики.

И все-таки рассказ не лидирует, не опережает (несмотря на свою мобильность) «крупную прозу», а идет своим — довольно ровным — путем, идет, как бы слегка затененный другими жанрами.

И, видно, это происходит не только у нас. На такие размышления наводит и сборник современных румынских рассказов «Восемнадцать дней».

Сборник, включающий пятнадцать рассказов пятнадцати авторов, открывается обстоятельным предисловием Ю. Кожевникова, сумевшего объединить мозаичные художественные «короткометражки» и показать глубинное стремление весьма непохожих по стилю и тематике писателей к постижению главных духовных ценностей нового человека. Да, это стремление объединяет и рассказы о недавнем прошлом — подпольной борьбе коммунистов, войне, первых послевоенных годах, коллективизации — с рассказами о современности, где соседствуют (и сталкиваются) герои мужественные, целеустремленные, самоотверженные и людские мелкие — приспособленцы, карьеристы, льстецы. Образ человека нового общества, человека, устремленного в завтрашний день, объемно вырисовывается здесь в трех «измерениях» — историческом (его становление), позитивном (его утверждение) и негативном (его антиподы).

Можно сказать, что с этой точки зрения сборник составлен продуманно, и если читатель настроился на дальнейшее знакомство с «малой» румынской прозой, то книга «Восемнадцать дней» не обманет его ожиданий. Он увидит убедительную картину тех или иных сторон румынской действительности. А если читатель жаждет чего-то особенного, запоминающегося, выдающегося по своей художественной силе, по глубине проникновения в жизнь, то тут, пожалуй, ожидания окажутся «недовыполненными».

Мы сталкиваемся со своеобразным явлением: писатель зачастую берет тему, которой в рассказе тесно. Отчего это происходит? Может быть, оттого, что в наше стремительное и сложное время, когда задачи и ответственность художника требовательно и остро возрастают, писатель или не обращается к рассказу как к слитком «узкому» жанру или пытается «втиснуть» в него современное многомерное восприятие человека.

Вот, к примеру, «Такая у них работа» — рассказ Эуджена Барбу, известного советскому читателю романами «Северное шоссе» и «Яма». Рассказ чем-то напоминает конспект романа или повести. Перед нами трагическая история талантливого ученого Гаврила Бузи, покончившего жизнь само-

СРЕДИ КНИГ

убийством. В этой истории пытается разобраться Маркидан, «партийный активист, сравнительно недавно пришедший сюда с промышленного предприятия». Повествование быстро обрастает множеством мыслей и сопоставлений. Тут и семейные, и служебные, и общественные, и моральные, и философские проблемы. Ясно одно: карьеристы и бездельники затравили Гаврила Бузю. Однако истоки случившегося, несмотря на внешнюю «объемность» рассуждений, остаются нераскрытыми. Да и невозможно это в рамках рассказа. И получается, что произведение, захватив непомерно широкий круг вопросов, заканчивается, не успев пойти вглубь... Маркидану, когда он выслушивает двух омерзительных типов, не до анализа. Его просто охватывает ярость, я бы сказал — глобальный гнев. Да, гнев Маркидана производит сильное впечатление, однако реальные обстоятельства и характеры все же не уместились в рассказе. Эуджену Барбу требуется простор и размах романа...

А Фэнуш Нягу, как бы избегая соблазна многомерности, строит свой рассказ «Фиолетовый ковер» исключительно на поэтической фантазии мальчика и создает чудесную сказку о рождении весны. Многие щедро рассыпанные «находки» доставляют истинное наслаждение, однако рассказ держится на одной ноте, и (обратное, по сравнению с Барбу, явление!) будь она чуть покороче, талантливые «находки» зазвучали бы куда сильнее.

В этом сборнике наиболее близкие попадания «в яблочко» жанра принадлежат тем авторам, которые спокойно принимают рассказ в доброй, «старой» традиции. «Пожары» — основательное, цельное произведение Александру Симиона, повествующее о борьбе с бандами в первые годы строительства новой жизни. Тут и обстоятельства и характеры даны в той мере, которую математики называют «необходимой и достаточной». В рассказе удачно выхвачено «основное звено» — убедительно показана моральная победа учителя КонстантINESКУ, который «отвоевывает» у бандитов душу крестьянина Некулае. И Ференц Папп (пишущий на венгерском языке) отлично освоил площадку рассказа. Его «Пьяный егерь» написан емко, страстно. Противостояние двух характеров (Тимара и Бакоша) превращает, казалось бы, незначительный случай на охоте в принципиальную нравственную коллизию. Два человека раскрываются окончательно и необратимо — в своей духовной полноте.

Рассказ Николае Цика «Восемнадцать дней» более локален. В фокусе повествования один герой, один характер. Это Тудор, человек настоящий, сильный. Его поразительная воля к жизни побеждает болезнь, побеждает именно тогда, когда врачи пришли к выводу, что жить ему осталось считанные дни.

Думаю, что как раз благодаря своей локальности, сосредоточенности рассказ обрел живые черты. Если читатель почувствовал характер Тудора, ему легко самому выйти за рамки описанного эпизода — борьбы ге-

роя со смертью, выйти за рамки исключительной ситуации и угадать, каким был Тудор в обыкновенной жизни, в повседневности. Это человек, которому мы верим, в которого верим...

Видимо, секрет рассказа — показать не многое так, чтобы читатель увидел многое. Так лицо человека может мгновенно рассказать нечто более ценное и важное, чем автобиография с множеством параметров.

Вначале я сравнил рассказ с «короткометражкой», но это сравнение, пожалуй, не говорит в его пользу. Короткому фильму не утнаться за полным. Чтобы «отстоять» рассказ, надо сильнее «развести» полюса. Скорей следовало бы сравнить этот жанр с высоким искусством художника-живописца, умеющего в одном «кадре» выразить суть жизненного явления. Такой «кадр» не соперничает с кинороманом. Просто разные принципы искусства.

И не так уж существенно, что рассказ Николае Цика невыдуман. Автор говорит: «Тудор, герой рассказа, существовал в действительности и был моим хорошим другом». Дело в законах жанра. В их строгости — залог простора.

В этом сборнике каждый рассказ предваряется небольшим авторским вступлением — писательским словом, обращенным к советскому читателю. Это очень полезная, очень удачная инициатива издательства. Иоан Григореску и Александру Симион добрым словом вспоминают Литературный институт им. Горького, в котором они учились двадцать лет назад, и все без исключения авторы сборника говорят о значительности для них каждой встречи с советскими читателями.

Значительность эта — взаимная. Книга «Восемнадцать дней» пришла к нашему читателю хорошим дополнением к ранее изданным сборникам румынских рассказов — «Лето и вьюга», «Алкион Белый Дьявол». И, конечно, обещанием, что за этим сборником последуют другие, которые расширят наше знакомство с богатой и разнообразной румынской новеллистикой.

КИРИЛЛ КОВАЛЬДЖИ

ФЕНОМЕН ПАВЕЗЕ

Чезаре Павезе. Избранное. Серия «Мастера современной прозы». Перевод с итальянского. Составитель и автор предисловия Г. Брейтбурд. Москва, «Прогресс», 1974.

Внимательного посетителя состоявшейся не так давно в Москве выставки итальянской книги поражило обилие представленных на ней книг Чезаре Павезе — писателя, жизнь которого трагически оборвалась уже четверть века назад: переиздания его прозаических произведений — повестей и рассказов, сборников стихов, посмертно изданные дневники «Ремесло жить», письма, многочисленные исследования его творчества и биографии — и среди них на первом месте толстый том, озаглавленный «Абсурдный порок» — очерк жизни Павезе.